

ПЕРВАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ИЗ ВОЛОГДЫ

© 2018 г. И.П. Кукушкин*, А.А. Гиппиус**, А.А. Зализняк***

*Автономное учреждение культуры Вологодской области “Вологдареставрация”, Вологда, Россия (gorodkip@mail.ru)

**Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия (agippius@mail.ru)

***Институт славяноведения РАН, Москва, Россия (typology.inslav@gmail.com)

Поступила в редакцию 18.07.2016 г.

В статье публикуется первая вологодская берестяная грамота, найденная в ходе раскопок 2015 г. на Вологодском городище. Грамота датируется началом XIV в. и представляет собой древнейший памятник письменности этого края.

Ключевые слова: археология, Вологда, Вологодское городище, первая берестяная грамота, раскопки 2015 г.

В 2015 г., в ходе археологических раскопок, проводимых на Вологодском городище, была найдена первая вологодская берестяная грамота¹, послужившая поводом для переосмысления места Вологды в истории средневековой Руси.

Официальной датой основания города считается 1147 г., упоминаемый в источнике агиографического характера второй половины XVII в. Этот документ содержит значительное количество противоречий, поэтому многие исследователи относятся к нему с большой долей осторожности (Башенькин, Кукушкин, 1994. С. 33, 34). В достоверных письменных источниках волость Вологда впервые упоминается в 1264 г. — договорная грамота Новгорода с Тверским великим князем Ярославом Ярославичем — как новгородское владение (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. С. 9). XIII в. датируются и наиболее ранние из изученных археологических комплексов (Кукушкин, 2012. С. 164, 165).

Вологда возникла на перекрестке путей, соединивших Новгородскую республику и центры северо-восточных княжеств с Заволочьем. В XIII—XIV вв. она вытесняет древнее Белоозеро с места ведущего городского центра на Северо-Востоке Руси. В договорных грамотах Новгорода с великими князьями Руси с 1264 по 1456 гг. она неизменно фигурирует как “волость новгородская” (Грамоты..., 1949. № 1–3, 6–10, 14, 15, 19–22). Но уже с начала XIV в. прослеживается влияние великокняжеской

власти на вологодскую жизнь. В научной литературе сложилось мнение, что в Вологде могла иметь место форма “смесного” (совместного) правления князем, занимавшим Владимирский великокняжеский стол, и новгородскими властями или разделение их власти по территориальному признаку (подобно Торжку, Волоку Ламскому и Бежецкому Верху) (Кучкин, 1984. С. 127; Назаров, 2012. С. 242, 243; Черкасова, 2010. С. 428–443). В первые десятилетия XV в. городом фактически управлял Московский великий князь (Назаров, 2012. С. 243). По завещанию Василия II 1462 г. Вологда с Заозерьем были переданы младшему сыну князя Андрею Меньшому, после смерти которого в 1481 г. город окончательно перешел под власть великого князя Московского Ивана Васильевича и стал центром Вологодского уезда Московского княжества (Вологодско-Пермская летопись, 2006. С. 221, 274).

Археологические исследования показали, что к началу XV в. площадь исторического центра города составляла около 12 га (Кукушкин, 2012. С. 166). Участки культурного слоя, отдельные археологические находки, датируемые временем не позднее XIV в., обнаружены и за пределами этой территории. По локализации церквей, упоминаемых в письменных источниках, к концу XV в. протяженность города вдоль р. Вологды составляла не менее 2 км, структурно выделялись город и посады (Клосс, 1976. С. 269; Вологодско-Пермская летопись, 2006. С. 291, 292). Возможно, уже на этапе становления Вологда имела укрепления. Ко второй половине XV — середине XVI в. относятся письменные и археологические свидетельства существования здесь крепости-кремля, реконструируемая

¹ Находка передана на постоянное хранение в фонды Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

территория которого получила название “Вологодское городище” (Кукушкин, 2014. С. 274–277) (рис. 1).

Археологические исследования в Вологде ведутся с 1947 г. К настоящему времени раскопами и шурфами изучено около 4800 м², из них на территории городища — 2350 м². На Вологодском городище исследованы жилые, хозяйственные постройки, фрагменты фортификаций, мостовые, ремесленные мастерские, некрополь, обнаружено значительное количество находок, характерных для древнерусских городов XIII–XV вв.

Археологические раскопки 2015 г. осуществлялись на Вологодском городище, на участке, смежном с раскопом И.П. Кукушкина 1994 г., на котором были обнаружены культурный слой XIV–XVII вв., фрагменты крепостных укреплений московского периода. Тогда были отмечены признаки перемещения средневекового культурного слоя, что связывалось с фортификационными работами второй половины XV — середины XVI в. (Кукушкин, 1997. С. 36–46). Раскоп 2015 г. располагался во внутрикрепостном пространстве. Его площадь составляла 456 м², мощность культурного слоя увеличивалась с северо-востока на юго-запад от 1 до 2 м по направлению к линии укреплений, что связано с понижением уровня материка и увеличением мощности поздних отложений. Под слоем археологического балласта были выявлены следы построек и настил мостовой, датируемые по находкам и данным дендрохронологического анализа XVII в. В северо-восточной части раскопа они залегали на материке. В юго-западной, под конструкциями XVII в., зафиксирован гумусированный насыщенный щепой культурный слой мощностью до 0.4 м, лежавший на материке. Из него происходит незначительное количество находок хозяйственно-бытового назначения и керамика, датирующиеся XIV–XVII вв. На площади раскопа на материке выявлены небольшие ямки, округлые в плане, диаметром 15–40 см, заглубленные в материк на 10–30 см. Предположительно, своим происхождением они обязаны строительным земляным работам, например, проведению вертикальной нивелировки-срезки грунта, связанным с возведением (реконструкцией) фортификаций во второй половине XV — середине XVI в. Также в южной части раскопа в материке исследованы более крупные ямы, интерпретируемые как хозяйственные и материковые западины естественного происхождения. Их заполнение образуют гумусированный суглинок, щепы, навоз, органика растительного происхождения. В одной из них (материковой западине) и была найдена берестяная грамота. Помимо нее, в яме находились фрагменты кожаной обуви,

берестяные вкладыши в задники кожаной обуви, фрагменты керамики. По типологии В.Ю. Коваля найденная здесь керамика относится к условным типам венчиков (УТВ) — 5, 5а, 6, 7, бытования которых приходится на XIV в. (2014. С. 533, 552, 553). Датировка слоя ямы, содержащей грамоту, вписывается в сложную картину градостроительной истории участка. Отсутствие выраженных напластований этого времени вне ям следует связать с проведением земляных работ на участке при возведении или реконструкциях крепости во второй половине XV — середине XVI в.

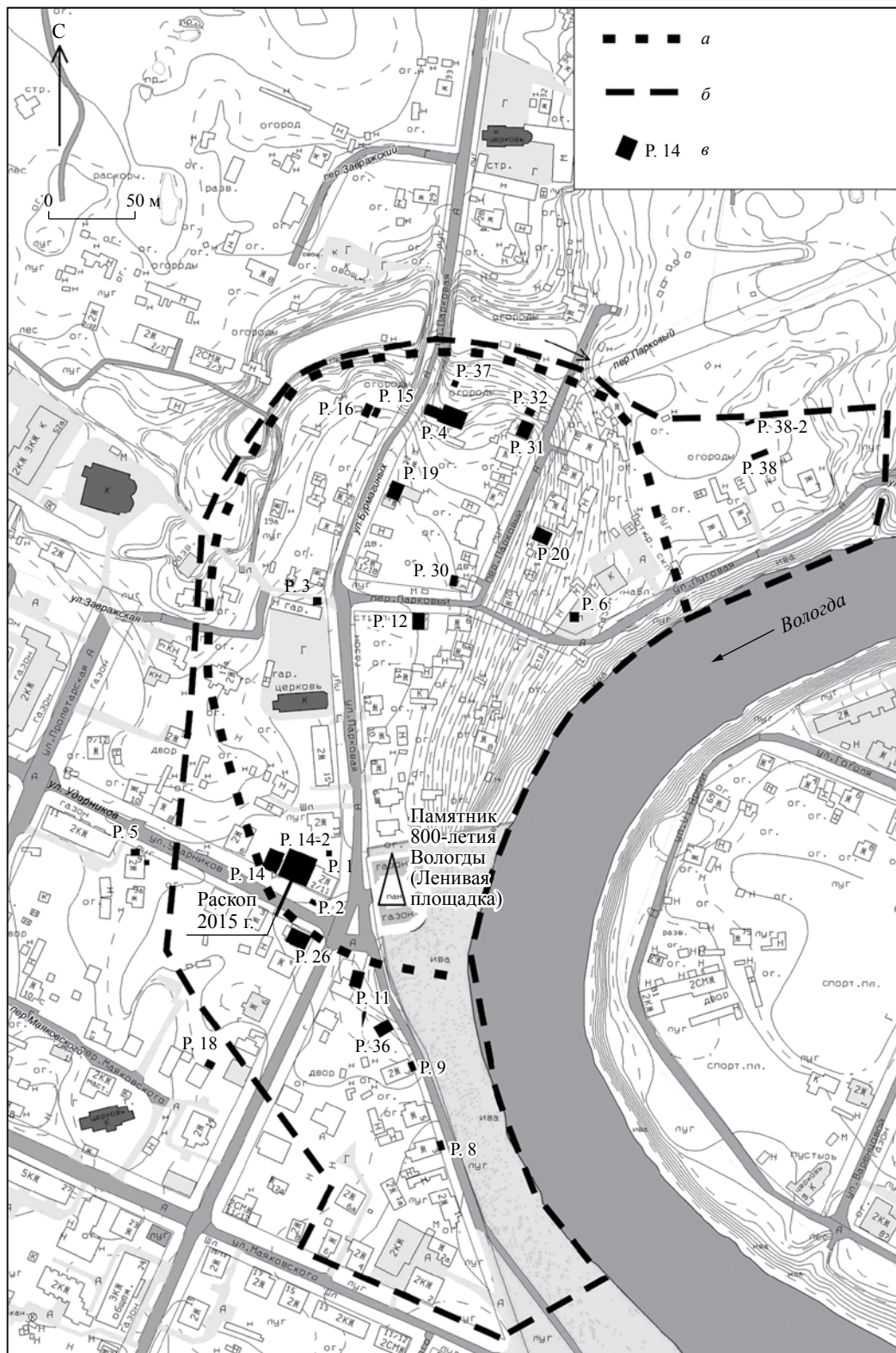
Сама грамота сохранилась полностью и состоит из четырех строк (рис. 2). Она написана на листе бересты длиной 20 см и шириной от 3.6 до 2.2 см. Лист сужается к правому краю, что соответствует контурам поля, занятого текстом: последняя, четвертая строка грамоты короче остальных, и линия нижнего обреза плавно поднимается, огибая ее окончание. Так же ведет себя и линия верхнего обреза, сползающая вниз за нырнувшей под “чечевичку” первой строкой. Последняя деталь позволяет не сомневаться в том, что верхний край грамоты является первоначальным.

Как и в подавляющем большинстве новгородских берестяных грамот, буквы вырезаны стилосом-писалом, а строки идут параллельно волокнам. Это существенно, поскольку в двух из четырех московских берестяных грамот строки расположены поперек волокон, параллельно оси свертывания берестяного свитка, что придает документу вид столбца (Гиппиус и др., 2011. С. 453). Вологодская грамота в этом отношении демонстрирует принадлежность к новгородской традиции оформления берестяного документа.

Текст вырезан уверенной рукой, привычной к письму, и даже с известным эстетизмом. Начертания букв устойчивы и своеобразны, особенно характерны формы у (с пересечкой в верхней части) и ъ (с засечкой, доходящей до низа буквы). Общей особенностью почерка является оформление засечек у букв б, г, т, ъ, ѳ в виде декоративных треугольников (прием, встретившийся до сих пор всего в четырех грамотах разных веков, начиная с грамот XI в. № 906 и 913). В целом палеография документа свидетельствует о высокой культуре письма на бересте.

Собственно текст с разделением на слова имеет следующий вид:

Г·А·КОВО К ТОБѢ К ТОБѢ СА : .ОНАНИКО ТЬСТЬ
 БРАТЬ ·О·СТАФЕ : ПОСЛА·ЛЪ С ТОБОЮ КЕМЬ
 РУБЛЕ : .КО САМЪЛУ .РУБЛЕ : НИ МНѢ РУ
 БЛ·А: НИ МНѢ ПРОТОРЪВЪ

Рис. 1. Памятник археологии “Городище, место основания г. Вологды. XII–XV вв.”. Расположение раскопа 2015 г. Условные обозначения: *a* – реконструкция границ вологодского кремля второй половины XV – середины XVI в.; *b* – граница памятника; *v* – археологические раскопы.

Fig. 1. The archaeological site of “Gorodishche, the place of foundation of the Volgodda City, the 12th–15th centuries.” The location of the excavation area of 2015. Map symbols: *a* – the reconstruction of the boundaries of the Volgodda kremlin of the second half of the 15th – the mid 16th century; *b* – the boundaries of the site; *v* – excavation areas.

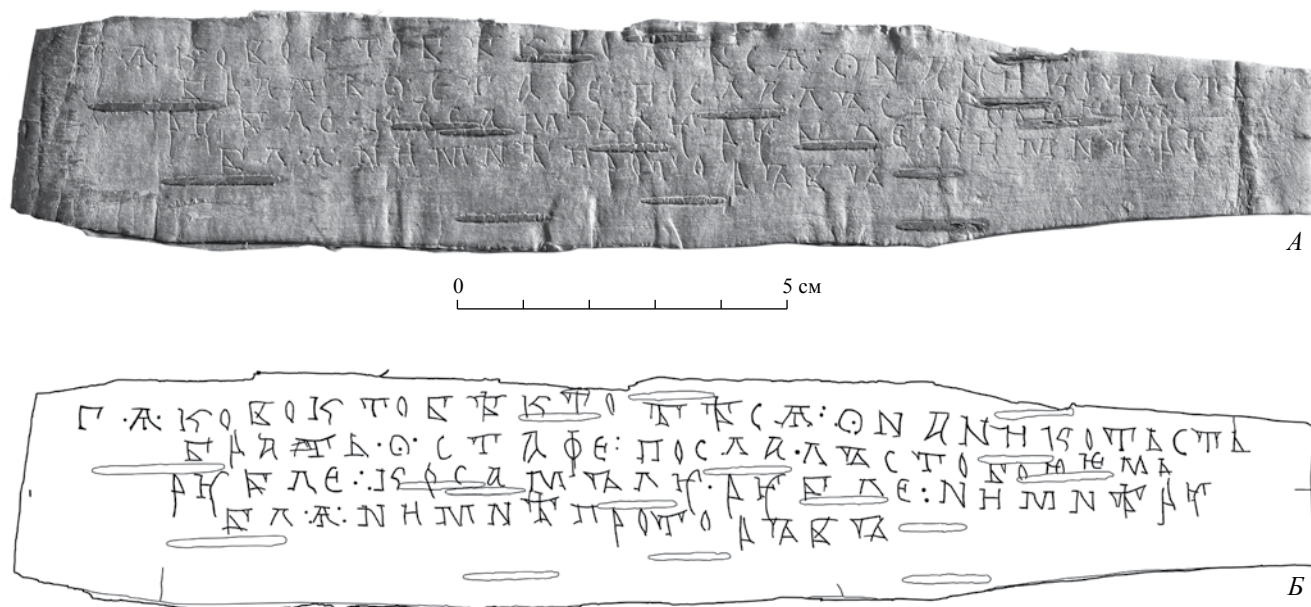

Рис. 2. Вологодская первая берестяная грамота. А – фото А.В. Тарасовского; Б – прорись Н.И. Калининой.

Fig. 2. First Vologda letter on birchbark. А – photograph by А. N. Tarasovskiy; Б – traced by N. I. Kalinina.

С современной пунктуацией и упрощением графики:

Гяково к тобѣ, к тобѣ ся Онанико тьсть. Братъ Остафе, послалъ с тобою емь рубле, ко Самълу рубле. Ни мнѣ рубля, ни мнѣ проторъвъ.

То же с переводом бытовой графики на книжную:

Гяковъ к тобѣ, к тобѣ ся Онаникъ тьсть. Брате Остафе, послалъ с тобою емь рубль, къ Самолу рубль. Ни мнѣ рубля, ни мнѣ проторовъ.

Перевод:

‘Яков [обращается] к тебе, к тебе [обращается и] тьсть Онаник. Брат Остаф! Я послал с тобой рубль – к Самойлу рубль. И нет у меня ни рубля, ни проторов’ (о возможных интерпретациях слова “проторы” см. ниже).

Текст написан по так называемой бытовой системе – той же, что в Новгороде: буквы *ъ* и *о* свободно смешиваются, как и буквы *ь* и *е*.

Упоминание рубля жестко ограничивает датированный интервал для вологодской грамоты по нижней границе началом XIV в. Покрытие у буквы *А* ограничивает его по верхней – 30-и годами XIV в. Длинные верхние засечки у буквы *н* ограничивают его сверху 10-и годами XIV в., но поскольку такая буква *н* всего одна, это ограничение является нестрогим. Наличие засечек сверху и снизу у букв *и*, *н*, *к* тоже нестрогим ограничивает его сверху 10-и годами XIV в. В результате внестратиграфическая,

т.е. по совокупности палеографических и языковых признаков оценка грамоты (Зализняк, 2000) – это начальное сорокалетие XIV в. с предпочтением к первой четверти XIV.

Вместо ожидаемого *ѣсь* в грамоте стоит написание *ѣмь*. Такие написания уже встречались: *послалъ ѣмь* в берестяной грамоте XIV в. № 964, *то ѣ твориль емь* в “Поучении Владимира Мономаха” (Лаврентьевская летопись, 1997); в более древнюю эпоху – в Синайском патерике XI в.: *гражанинъ ѣмь оньсичь снѣ* (Срезневский, 1893. С. 827). Также в значении 1 мн.: *мы, о влѣко, предани ѣмь блѣмъ оѣмъ твоимъ в руцѣ твои* (Сильвестровский сборник XIV в.: Срезневский, 1893. С. 827). Предположение о том, что во всех этих случаях просто одинаковым образом пропущена буква, представляется маловероятным. Более вероятно, что *с* в *есь* утрачивалось в силу аналогии: есть всего четыре глагола с 2 ед. презенса на *-си*: *даси, вѣси, ѣси (ѣси)* и *еси*. И вот их 1 ед.: *дамь, вѣмь, ѣмь (ямь)*, но *есь*. Эффект выравнивания дает *емь*. Перед нами начатки такого же развития, что и в польских формах типа *posłałem* ‘я послал’, тоже с утратой *s*.

В синтаксисе важная особенность грамоты состоит в том, что слово *ѣмь* (= *ѣсь*), вопреки обычным правилам, стоит после *с тобою*, а не перед ним. В берестяных грамотах имеется лишь один пример подобного расположения связки: *за насъ не сто(у)тъ, насъ продакътъ, и ѡкрадони ѡ ного ѣсми*

в № 370 (XIV в.). Причину таких отклонений еще предстоит исследовать.

В имени *Самълу*, вероятно, просто пропущено *и*, т.е. это было имя Самойло; но не исключено и то, что пропуска нет, т.е. это вариант *Самоль*, подобный варианту *Михаль* при имени *Михайло*.

Имя *Онаникъ* построено с помощью сравнительно редкого гипокористического суффикса *-ик-ъ* от имени *Онания* — подобно *Пянтелике* в новгородской берестяной грамоте № 23 от *Пянтелеи*, *Ондрике* в грамоте № 362 от *Ондрѣи*, *Ортемикъ* в московской берестяной грамоте № 3 от *Ортемья*.

В написании *Гяковъ* через *гя* передано [ja]. Такой способ передачи йотации встречается не только в южновеликорусских памятниках, где он определяется чрезвычайной фонетической близостью звуков [γ'] и [j], но и в северновеликорусских, где *г* взрывное. Так, в новгородских берестяных грамотах находим, например, *погихати* ‘поехать’ в грамоте № 266, *мравгици* ‘муравьичей’ в грамоте № 273. В XIV в. соотношение написаний *Аковъ* и *Гяковъ* было уже таким же, как в *Юрьи* и *Гюрьги* (хотя исторически в этом последнем имени исконным было [г], а не [j]).

В лингвистическом отношении существенны написания *Гяково* <-въ>, *Онанико* <-къ>, *послалъ*, демонстрирующие наддиалектную восточнославянскую флексию -ъ в И. ед. твердого о-склонения и перфектном причастии; в древненовгородском диалекте здесь было окончание *-е*.

Начальная адресная формула необычна сразу в нескольких отношениях. Она складывается из двух частей: в первой к адресату обращается Яков, во второй — “тесть Онаник” (тестем он, скорее всего, приходится адресату); при этом содержательная часть сообщения выдержана в формах единственного числа. Подобное несоответствие структуры адресной формулы и основного текста письма встречается не впервые: так устроены новгородская грамота № 731 (XII в.) и грамота № 40 из Старой Руссы (XIV в.). Оба письма написаны от лица супругов в связи с предстоящими браками детей. Грамота № 731 адресована свахе (*Покланяние ѿ Анокъ со Сълатою ко Аринъ*), грамота № 40 — другой супружеской чете, приглашаемой на свадьбу дочери (*Поклонъ ѿ Ѡксини і Ѡнани к Родивону і сестри моєі Татилани*). Основное сообщение в обоих случаях сформулировано от лица женщины. Общим для двух грамот является то, что их адресные формулы выполняют, помимо собственно адресной, также приветственную функцию, выражаемую словами *покланяние* и *поклонъ*; в этом приветствии участвуют оба супруга, но далее речь

продолжает жена. В адресной формуле вологодской грамоты приветственный компонент отсутствует. Можно думать, что привлечение Онаника в качестве дополнительного, “титulyного” автора имело своей целью придать большую официальность и внушительность основному сообщению. Такая интерпретация возможна лишь в случае, если Яков и Онаник выступают консолидировано, позиционируя себя как единого экономического субъекта. Например, если Онаник, тесть Остафа, является отцом Якова.

Необычно и обозначение обоих отправителей письма формами именительного падежа — *Яковъ*, *Онаникъ тесть*, вместо стандартного для адресных формул родительного падежа с предлогом: *От X-а*. В берестяных грамотах такое построение является регулярным только для адресной формулы *X бьет челом Y-у*. Вне ее оно представлено лишь в двух женских письмах XII и XIII вв.: Старая Русса № 11 (*Иванла молвила Ѡимъ*) и 771 (*Офимия каже весте къ тебе*). Последний документ представляет также единственную параллель к обозначению адресата в начальной формуле не именем, а личным местоимением 2 лица (*к тобѣ*). Это очень архаичная особенность, обнаруживающая преемственность берестяной переписки по отношению к традиции передачи устных речей: именно в ситуации передачи устного сообщения уместно упоминание отправителя по имени — в 3 лице, а адресата — во 2. По этой модели, в частности, в летописях вводятся посольские речи, например, в Киевской летописи под 1151 г.: *посоль пригна изъ Оугоръ къ Изаславу ѿ сѣа е(г) Мьстислава и ре(ч): “Сѣѣ ти сѣ кланяеть и тако молвить...”*.

Уникален для берестяных грамот эллипсис глагола в адресной формуле. Эта уникальность, впрочем, — лишь следствие малочисленности глагольных адресных формул берестяных грамот по сравнению с именными. Среди последних эллиптическая по своей природе формула “От X-а к Y-у” на протяжении XI–XIV вв. — одна из основных.

Особую проблему составляет слово *ся* во второй части адресной формулы. Теоретически для нее мыслимы два варианта интерпретации. С одной стороны, это *ся* можно трактовать как результат своего рода полуэллипсиса глагольной словоформы, от которой сохраняется возвратная частица. На роль опущенного глагола более всего подходит *слатися* ‘обращаться через посланного’; ср. в Письме к Олегу Владимира Мономаха: *слися к отцю*; в “Повести временных лет” под 980 г.: *И рече Блудъ Ярополку: “киянъ слють ся к Володимеру, глаголюще: приступаи ко граду”*. Внутренняя форма этого глагола (‘посылать себя’) как нельзя более точно

отвечает ситуации, в которой посыльный, слово в слово и от первого лица передающий адресату речь посланного, в коммуникативном отношении замещает его. Вполне объяснимо и то, что полуэллипсис выступает именно во второй части адресной формулы. Пропуск глагола при сохранении *ся*, в значении ‘себя’, был бы законен в конструкции с полностью прописанной первой частью: *X (посылает себя) к тебе, и Y — себя к тебе*. В первой части, равно как и в одночастной формуле, для него нет никаких оснований.

Альтернативой такой интерпретации является трактовка *ся* как усилительной частицы: исходного *се* — в предположении, что безударное конечное *се* уже могло в эту эпоху изменяться в *ся*, т.е. испытывать такой же переход, как в современных диалектных северновеликорусских формах *здесь, тутось, вчерась, ночью, утрось, вечерось, зимось, летось, вёснусь, осенесь, лонись, какось, однакось, когдась, тудась, одинсь, однась, нукось, накось* и т.п.

Необходимо, однако, признать, что слабой стороной обеих этих версий является то, что они основаны на допущении совершенно уникального явления: в одном случае сохранения возвратной частицы без глагола, в другом — некоторого фонетического перехода в эпоху, когда он ни разу не засвидетельствован.

Обращение *брате Остафе* в начале основного сообщения находит точное соответствие в грамоте № 675 середины XII в.: *Братъ Милато, Києвъ бгѣ мѣжи нама послухо былѣ*. В обоих случаях именование адресата братом, вероятно, не указывает на родственные отношения, но носит этикетный характер.

Повтор слова *рубль* следует, по-видимому, объяснять тем, что слова *къ Самѣлу рубль* носят характер уточнения. Подобный повтор находим в грамоте № 999: *А повели, оти прода Лашьке въ распоутьѣ, Тоудорове Лашьке, новотѣръжъскыхъ и жита и рѣжи 18 котль великихъ*.

Большую сложность для интерпретации представляет заключительная фраза грамоты. Для слова *проторѣ* и его морфологического варианта *проторь* историческими словарями русского языка фиксируются две группы значений: ‘расходы, издержки’ и ‘сбор, налог, подать’ (Словарь..., 1997. С. 265, 266)². Из этих значений первичным, безусловно,

является первое. Налог или подать может называться *протором*, поскольку в перспективе плательщика они представляют собой расходы. Однако в данном значении слово может употребляться и вне этой перспективы, обозначая, например, соборный налог, как в следующем примере: *у меня протори земские залежались от лѣта 7058-го сочтены* (Словарь..., 1997. С. 267). Основная масса употреблений слова в источниках XV в. приходится на так называемые обельные постановления жалованных грамот, в составе которых *проторы* упоминаются чаще всего вместе с *разметами* в рамках формулы *не тянути ни в какие (ни в которые) проторы, ни в разметы*. В ее вариантах вместо проторов или же вместе с ними упоминаются также пошлины (Кучкин, 2004. С. 66).

В каком значении выступает слово *проторѣ* в нашем документе? Если рассматривать фразу отдельно, ее можно понять как заявление о том, что автор не получил рубля, но и не понес никаких издержек, т.е. остался при своем. Такое толкование, однако, невозможно согласовать с предыдущей фразой о посылке рубля Самойлу. Риторически фраза *ни мнѣ рубля, ни мнѣ проторовѣ* напоминает грамоту № 750: *Ни ты мнѣ брѣне пошлеше лицемѣ, ни ты мнѣ [ω](куп)а на бр[ѣ]нахо...* Следует думать, что, как и этот текст, концовка вологодской грамоты выражает упрек, обращенный автором к адресату. В чем же его смысл?

Наиболее простая версия событий состоит в том, что Яков послал Самойлу рубль в долг (вероятно, по его просьбе), причем эта посылка потребовала некоторых расходов (“проторов”) на оплату посланцу проезда и прочие дорожные траты. Учитывая скрупулезность древнерусских деловых людей в финансовых вопросах, можно предполагать, что Яков выдал посланцу Остафу требуемые на это деньги.

Самойло должен был со временем вернуть как сам рубль, так и проторы Якова, но ни того, ни другого Яков не получил. Из этого он заключает, что либо Самойло решил деньги не возвращать, либо посланец Остаф просто не выполнил поручения, т.е. денег не передал. Своей заключительной фразой Яков не упрекает Остафа прямо, но доводит до его сведения, что создалась конфликтная ситуация, при которой не только Самойло, но и он, Остаф, могут находиться под подозрением в недобросовестности. Возможно, Яков ожидает, что Остаф теперь даст ему какие-то дополнительные объяснения. Отсутствие в письме формального упрека, вероятно, соответствует именно этой неполной уверенности Якова в том, что его адресат виноват.

Альтернативная версия, использующая второе значение слова, состоит в том, что рубль был по-

² Те же две группы выделяются и в дефиниции слова в терминологическом словаре Г.Е. Кочина: “убытки, издержки, налоги, оброки” (1937. С. 286). В “Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам” (Срезневский, 1902. С. 1597, 1598) — более размытый спектр значений — “расход, иждивение, судебные издержки, побор, повинность”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- слан Яковом Самойлу *в качестве* проторов, т.е. представлял собой некоторую выплату типа тех, которые упоминаются в жалованных грамотах. При этом *ни мнѣ* нужно понимать не как ‘я не получил’, а как ‘у меня нет’ (ср. аналогичное употребление энклитической формы местоимения в грамоте № 713: *Цето ти воудоро, цето ти церѣмени, цето ти роудавещене и голоубине добре* ‘Сколько у тебя есть выдр, сколько у тебя есть красной ткани и т.д.’). В этом случае реконструируется следующая ситуация. Отправив с Остафом рубль в уплату налога — проторов, Яков впоследствии узнал, что Самойло рубля не получил и налог, таким образом, не был ему засчитан. Теперь у него нет ни рубля, ни *зачтенных* проторов. Из этой констатации уже недвусмысленно следует, что посланный с Остафом рубль не был доставлен по назначению.
- В рамках этой версии следует полагать, что проторы, посланные Яковом Самойлу, — не индивидуальный платеж, а сумма накопленных пошлин, собранных с крестьянской общины. Яков мог быть лицом типа десятского или сотского, которые упоминаются в жалованных грамотах в качестве получателей проторов³, а Самойло — администратором более высокого ранга, имевшим резиденцию в Вологде, куда, вероятно, Яковом и был послан рубль.
- Обе версии имеют свои недостатки. В первом случае несколько смущает сложная процедура заочного займа, при которой даваемые в долг деньги отправляются с посылным, а займодавец сам оплачивает дорожные расходы. В берестяных грамотах отсутствуют другие примеры, в которых бы глаголом *послати* обозначалась передача денег, даваемых в долг: всегда речь идет или о возвращении долга, или о направлении каких-то товаров, выплат, дани и т.д., не предполагающем возврата.
- Узким местом второй реконструкции является необходимость истолкования “проторов” не просто как налога, а как зачтенного налога. Окончательный выбор между альтернативными трактовками сделать затруднительно. Как это часто бывает с берестяными документами, лаконизм сообщения и доля информации, приходящейся на фоновое знание ситуации ее участниками, встают на пути однозначного истолкования текста.
- Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 6-0400331 “Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012–2015 гг.”
- ³ Например, *ни к сотицкому, ни к десятицкому не тянут ни в которые проторы, ни в розметы* (Жалованная грамота дмитровского князя Юрия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на двор в Дмитрове, 1461 г.: Национальный корпус русского языка: www.ruscorgo.ru).
- Башенькин А.Н., Кукушкин И.П.* Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 29–45.
- Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 412 с.
- Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю.* Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия: сб. ст.: в 2 т. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники. М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 452–455.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова: сб. документов / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: АН СССР, 1949. 409 с.
- Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование. Т. X. М.: Русские словари, 2000. С. 134–416.
- Клосс Б.М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 264–282.
- Коваль В.Ю.* Первичная статистическая фиксация масового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы: метод. рекомендации // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 490–571.
- Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л.: АН СССР, 1937. 487 с.
- Кукушкин И.П.* Вологодское городище // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 36–46.
- Кукушкин И.П.* Аспекты ранней истории города Вологды // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сб. материалов Международ. науч. конф. (Вологда, Кириллов, Белозерск, 06–08 июня 2012 г.) / Отв. ред. С.Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 163–171.
- Кукушкин И.П.* Крепостные укрепления средневековой Вологды // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 274–277.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
- Кучкин В.А.* Сотские в жалованных грамотах XV — начала XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. №4 (18). С. 63–81.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
- Назаров В.Д.* Вологда, Кирилло-Белозерский монастырь и Василий II (к истории династической войны московских Юриковичей) // Paleobureaucratia: сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой / Ред.-сост. Ю.М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2012. С. 225–245.

- ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 604 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22: Раскидаться – Рященко / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1997. 298 с.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I: А–К. СПб.: Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. наук, 1893. [3], IX, 49 с., 1420 стб.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II: Л–П. СПб.: Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. наук, 1902. 15 с., 1802 стб., [1] с.
- Черкасова М.С. Новгород и Вологда в XIV–XV вв. // Словения, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время) / Ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров. М.: Языки славянских культур, 2010 (Studia philologica). С. 428–443.

THE FIRST BIRCHBARK LETTER FROM VOLOGDA

Igor P. Kukushkin,* Aleksey A. Gippius,** Andrey A. Zaliznyak***

*Autonomous Cultural Institution of the Vologda Oblast 'Vologdarestavratsiya,' Vologda, Russia (gorodkip@mail.ru)

**National Research University 'High School of Economy,' Moscow, Russia (agippius@mail.ru)

***Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia (typology.inslav@gmail.com)

The paper publishes the first Vologda letter written on birchbark discovered during the excavations at the Vologda site in 2015. The letter dates to the early 14th century AD and is the earliest written document of this area.

Keywords: archaeology, Vologda, the Vologda site, first birchbark letter, excavations of 2015.

REFERENCES

- Bashen'kin A.N., Kukushkin I.P., 1994. Old Vologda. *Vologda: Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh [Vologda: A Historical-Local Almanach]*, 1. Vologda: Rus', pp. 29–45. (In Russ.)
- Cherkasova M.S., 2010. Novgorod and Vologda in the 14th–15th century. *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya) [Estates, Institutes and the State Power in Russia in the Middle Ages and Early Modern Time]*. V.L. Yanin, V.D. Nazarov, eds. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 428–443 (Studia philologica). (In Russ.)
- Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Koval' V. Yu., 2011. A birchbark letter from the excavations at the Moscow Kremlin. *Moskovskiy Krem' XV stoletiya: sbornik statey [The Moscow Kremlin of the 15th Century: A Collection of Papers]*, 1. *Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki [Old Objects of Worship and Historical Monuments]*. Moscow: Art-Volkhonka, pp. 452–455. (In Russ.)
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova: sbornik dokumentov [Letters of Velikiy Novgorod and Pskov: A Collection of Documents]. S.N. Valk, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949. 409 p.
- Kloss B.M., 1976. Vologda-Perm Chronicles of the 15th Century. *Letopisi i khroniki. M.N. Tikhomirov i letopisevedenie [Annals and Chronicles. M.N. Tikhomirov and the Study of Chronicles]*. Moscow: Nauka, pp. 264–282. (In Russ.)
- Kochin G.E., 1937. Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rossii [Materials for a Terminological Dictionary of Old Russia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 487 p.
- Koval' V.Yu., 2014. A primary statistical recording of mass pottery materials at the medieval sites (the 10th–17th centuries). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Moscow Area: Materials of a Scholarly Seminar]*, 10. Moscow: IA RAN, pp. 490–571. (In Russ.)
- Kuchkin V.A., 1984. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [The Formation of the State Territory of Northeast Rus in the 10th–13th Centuries]. Moscow: Nauka. 353 p.
- Kukushkin I.P., 1997. The Vologda settlement. *Vologda: Kraevedcheskiy al'manakh [Vologda: Local-Lore Almanach]*, 2. Vologda: Rus', pp. 36–46. (In Russ.)
- Kukushkin I.P., 2012. Aspects of early history of the city of Vologda. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Northern Rus and Issues of the Old Russian State Formation: A collection of the Materials of the International Scholarly Conference]*. S.D. Zakharov, ed. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 163–171. (In Russ.)
- Kukushkin I.P., 2014. Fortifications of medieval Vologda. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Transactions of the 4th (20th) Pan-Russian Archaeological Congress in Kazan]*, III. Kazan': Otechestvo, pp. 274–277. (In Russ.)

- Nazarov V.D.*, 2012. Volgda, St. Syril-Beloe Ozero Monastery and Vasiliy II (anent the history of the dynastic war of Moscow Rurikids). *Paleobureaucratika: sbornik statey k 90-letiyu N.F. Demidovoy [Paleobureaucratika: A Collection of Papers to the 90th Anniversary of N.F. Demidova]*. Yu.M. Eskin, ed., comp. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 225–245. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], I. Lavrent'evskaya letopis' [The Lavrentyevskaya Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 496 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], II. Ipat'evskaya letopis' [The Ipatyevskaya Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 604 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], 26. Vologodsko-Permskaya letopis' [The Vologda-Perm Chronicle]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2006. 412 p.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [A Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries], 22. G.A. Bogatova, ed. Moscow: Nauka, 1997. 298 p.
- Sreznevskiy I.I.*, 1893. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Sources], I. St. Petersburg: Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. 49 p.
- Zaliznyak A.A.*, 2000. Palaeography of birchbark letters and their extrastratigraphic dating. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [The Novgorod Birchbark Letters from the Excavations of 1990–1996. Palaeography of birchbark letters and their extrastratigraphic dating]*, X. Moscow: Russkie slovari, pp. 134–416. (In Russ.)